

ние вещи поддается объективированию, т.е. само может стать предметом, темой сознания и внимания.

В заключение Гуссерль делает добавление, которое может удивить тех, кто примитивно понимает антипсихологизм родоначальника феноменологии. В синтезе восприятия, говорит Гуссерль в § 43, значительную роль играет... вера. Конечно, не вера в религиозном смысле, а в смысле феноменологическом. «В восприятии в узком смысле являющееся “стоит” там (da) в качестве сущего, оно имеет значение действительного». Мы верим в это. Правда, вера может переходить в сомнение, даже в неверие. И все же какая-то степень веры в “стояние” вещи перед глазами, согласно Гуссерлю, необходима и проникает собою всю континуальность явления и все объективирующие моменты явлений (S. 152).

Гуссерль на этом завершает фундаментальный феноменологический анализ восприятия и переходит, о чем уже ранее говорилось, к прикладным аспектам, исследование которых здесь не входит в нашу задачу.

КАРЛ ПОППЕР И ПОЗИТИВИСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ

(предисловие к публикации)

И.З. Шишков

Статья К. Поппера “Как я понимаю философию” вышла в свет в 1975 г.¹ Поводом к ее написанию послужила, по-видимому, опубликованная под тем же названием в 1956 г. статья австрийского и английского философа-неопозитивиста Фридриха Вайсмана². До недавнего времени как в западной, так и в отечественной философской литературе³ философско-методологическая концепция сэра Карла Поппера оценивалась как продолжение позитивистской традиции*. Следует заметить, однако, что в последнее время некоторые отечественные философы⁴ вполне справедливо подчеркивают несостоятельность такой оценки и пытаются подойти к творчеству Поппера с иных позиций. Публикация, предлагаемая вниманию читателей, представляет интерес прежде всего с точки зрения нового осмысления места английского мыслителя в современной философии.

Не останавливаясь подробно на данном вопросе, укажу лишь на один принципиальный момент, по которому, как мне представляется,

* Появлению мифа о приверженности Поппера позитивистской традиции способствовало, по-видимому, то обстоятельство, что первое издание основной логико-методологической работы Поппера “Логика научного исследования” (1934 г.) на немецком языке вышло в серии “Труды по научному мировоззрению” (т. 9), издаваемой ведущими членами Венского кружка М. Шликом и Ф. Франком. В этой серии, как известно, публиковались программные работы логических позитивистов.

философия К. Поппера не только резко расходится со всей позитивистской традицией, но и прямо противостоит ей. При этом я ничуть не умаляю роли последней в становлении и развитии критического рационализма, как именует свою концепцию Поппер.

Расхождение Поппера с позитивистской традицией прослеживается в первую очередь по линии их отношения к фундаментальной философской проблеме, пронизывающей всю историю западноевропейской философии, – к обоснованию знания. В ходе историко-философского процесса эта проблема эволюционировала от центрального места, которое она занимала в фундаменталистской традиции (вся – за некоторым исключением, в частности критической философии Я.Ф. Фриза⁵, – классическая философия от Ф. Бэкона и Р. Декарта до Гегеля), через критику ее традиционной постановки (Л. Витгенштейн) до полного ее отрицания, отказа от нее (Поппер) в антифундаменталистской (критицистской) традиции.

Прежде всего общая программа позитивизма, в частности логического, развивается в русле классической эмпирической традиции, принимающей за единственный надежный источник знания чувственное восприятие, и классического идеала рациональности, в основании которого лежит вера в возможность получения строгого достоверного знания. Этот классический метафизический миф о существовании достоверных (надежных) оснований человеческого знания восходит к античности, в частности к аристотелевскому идеалу науки, который зиждется на принципе достаточного основания. Содержание его образуют: 1) поиск “архимедовой опорной точки” познания (Г. Альберт⁶, фундамент, привилегированной инстанции как критерия достоверности и надежности человеческого знания; 2) процесс обоснования, содержанием которого является сведение определенного утверждения, теории к достоверному фундаменту – абсолютному принципу, постулату, аксиоме, догме, т.е. к “ясным” и “самоочевидным” вещам, которыми человек оперирует в своей повседневной жизни. (Однако такого рода “самоочевидности” оказываются на деле не столь “самоочевидными”. Напротив, они оказываются наиболее неочевидными и непонятными, а порой даже и немислимыми, на что обратил внимание уже философ-досократик Зенон Элейский в своих так называемых апориях.)

Эта, по сути фундаменталистская, традиционная методология оставалась господствующей в классической и современной культуре вплоть до XX в. Но в последнее время в связи с изменением общей культурной ситуации, и прежде всего ситуации в науке, устои фундаментализма были подорваны. Традиционная апелляция к Разуму и Опыту оказалась совершенно немислимой в духовной атмосфере западной культуры XX столетия, развенчавшей многовековой (идуший от Сократа) культ разума. Обнаружилось, что человеческий разум слишком изменчив, погрешим, чтобы служить надежным фундаментом человеческой культуры.

На фоне рушащихся устоев фундаментализма стала все более ясно вырисовываться и выдвигаться на передний план противоположная фундаменталистской традиции антифундаменталистская (критицист-

ская) парадигма, образующая ядро нового – неклассического – идеала рациональности. Последняя стала глубоко проникать в современное методологическое сознание благодаря философской деятельности К. Поппера, который фактически “пробудил” в постмодернистском философском сознании существовавшую издавна в европейской философии идею погрешимости человеческого разума.

Антифундаменталистская (критицистская) традиция также берет свое начало у греков. Уже философ-досократик Ксенофан Колофонский характеризовал знание как состоящее из неопределенных догадок⁷, о “бестрепетном сердце совершенной истины” и о “лишенных подлинной достоверности мнениях смертных” говорил Парменид Элейский⁸. Наваянная мыслью Ксенофана идея открытости человеческого знания стала сквозной в учении Сократа, в эллинистической философии, в частности у киников⁹, киренаиков¹⁰, скептиков¹¹, а через них она проникла в европейскую классическую философию. Уже Ф. Бэкон своим учением об идолах и элиминативной индукции закладывает основы фаллибилистской¹² методологии, а критическая философия Я. Фриза и прагматизм Ч. Пирса проложили путь к современному фаллибилизму попперовского толка.

В отличие от классической фундаменталистской традиции картезианского типа, критицизм К. Поппера не допускает никаких догм, более того, он включает в себя с необходимостью погрешимость в отношении любой возможной инстанции. В то время как фундаментализм возводит определенные инстанции – разум или ощущения (восприятия) – в эпистемологические авторитеты и пытается выработать у них “иммунитет от критики” (Г. Альберт), антифундаментализм (критицизм) не признает никаких авторитетов и инстанций непогрешимости, “архимедовых опорных точек” и не допускает догматизации в решении проблем. А это значит, что не существует ни самих решений проблем, ни надлежащих инстанций для такого рода решений, которые должны заранее уклоняться от критики. Сами эти решения, по-видимому, следует понимать как конструкции гипотетического характера, которые могут быть подвергнуты критике и ревизии. Бесперывный поиск и смена одних решений другими – таков путь движения к Истине и Прогрессу, такой лейтмотив критицизма Поппера.

В целом можно заключить: дух и стиль учения Поппера позволяют утверждать, что Поппер – это философ сократовского типа, т.е. постоянно ищущий и любящий Истину. Поппер неоднократно восхищается Сократом в сочинениях как раннего, так и позднего периодов его философского творчества¹³. По сути, это не просто восхищение великим афинским мудрецом, но и попытка привнести в постмодернистское философское сознание новую струю – дух сократизма. Это нашло выражение в основополагающих принципах философии Поппера, таких как интеллектуальная ограниченность (сократовское “Я знаю, что я ничего не знаю”), просветительство, рациональная дискуссия, которая служит движущим фактором роста человеческого знания.

Насколько оправданна высказанная здесь мною точка зрения – об этом судить читателю, знакомому с философскими текстами как

раннего, так и позднего Поппера. Остается только надеяться, что данная публикация может послужить очередным шагом на пути к разрушению сложившегося ошибочного стереотипа в оценке философского творчества Поппера как разновидности неопозитивистской методологии.

При подготовке к публикации в текст Поппера внесен ряд ранее отсутствовавших сносок.

Перевод с немецкого выполнен по изданию: *Popper K.R. Wie ich die Philosophie sehe // Popper K.R. Auf der Suche nach einer besseren Welt. München, 1984. S. 193–211.*

¹ См.: *Popper K. How I See Philosophy // The Owe of Minerwa. Philosophers on Philosophy / Hrsg. v. C.T. Bontempo, S.J. Odell. N.Y., 1975.*

² *Фридрих Вайсманн* (1896–1959) родился в Вене, изучал математику и физику в Венском университете. Начиная карьеру с должности учителя математики, некоторое время работал библиотекарем Философского института Венского университета, затем ассистентом у Морица Шлика, принимал активное участие в деятельности Венского кружка. После убийства М. Шлика в июне 1936 г. руководил уже наполовину распавшимся к тому времени Венским кружком. В 1938 г. он эмигрировал в Англию, где после отъезда К. Поппера в Новую Зеландию занял его место в Кембриджском университете, читал философию и математику, затем, вплоть до своей кончины в 1959 г., работал в Оксфордском университете, где читал лекции по философии науки.

Ф. Вайсманну принадлежит формулировка известного неопозитивистского принципа верификации. См. об этом его статью “Logische Analyse der Wahrscheinlichkeitsbegriff”, опубликованную в журнале “Erkenntnis” (1930/1931) в печатном органе Венского кружка. Независимо от Л. Витгенштейна сформулировал основные идеи лингвистической философии.

Основные работы Фр. Вайсмана: *Logik, Sprache, Philosophie; The principle on linguistic philosophy; Wittgenstein und der Wiener Kreis.*

Статья Вайсмана “Как я понимаю философию” впервые опубликована: *Waismann F. How I See Philosophy // Contemporary British Philosophy, III / Ed. by H.D. Lewis. L., 1956. P. 447–490.*

³ Среди многочисленных работ отметим прежде всего: *Adorno Th.W., Albert H., Darendorf R. et al. Der Positivismusstreit in der deutschen Soziologie. Neuwied, 1969; Нарский И.С. Современная буржуазная философия: два ведущих течения начала 80-х годов XX века. М.: Мысль, 1983; Он же. Современный позитивизм: Крит. очерк. М.: Наука, 1961; Курсанов Г.А. Эволюция и кризис современного позитивизма. М.: Мысль, 1976; Ойзерман Т.И. Критика “критического рационализма”. М.: Знание, 1988; Современная идеалистическая гносеология: Крит. очерки. М.: Мысль, 1968.*

⁴ См.: *Никифоров А.Л. От формальной логики к теории науки. М.: Наука, 1983; Овчинников Н.Ф. Карл Поппер – наш современник, философ XX века // Вопр. философии. 1992. № 8. С. 40–48.*

⁵ *Якоб Фридрих Фриз* (1773–1843) – немецкий философ-кантианец, один из наиболее верных последователей кантовской критической философии в XIX в. На него оказали непосредственное влияние К.Л. Рейнгольд и Фр. Якоби. Попытался осуществить новую, так называемую антропологическую, критику разума. При этом исходил из идеи о существовании непосредственного достоверного невоззрительного знания, которое не может быть обосновано, а воспринимается как психологический факт. Именно это непосредственное знание и делает возможной метафизику как науку.

Фриз первым высказал идею о невозможности обоснования, которая в дальнейшем была заимствована философией критического рационализма попперовского толка. Философская система Фриза изложена в его основном философском труде “*Neue Kritik der Vernunft*” (1807 г.). Второе издание вышло под названием “*Neue oder anthropologische Kritik der Vernunft*” (1831 г.), что более точно отражает суть философии Фриза.

⁶ Ханс Альберт (р. 1921 г.) – немецкий философ, один из ведущих представителей критического рационализма в Германии и наиболее последовательных учеников К. Поппера; ординарный профессор Гейдельбергского университета.

⁷ В одном из фрагментов говорится: “Истины точной никто не узрел и никто не узнает из людей о богах и обо всем, что я только толкую если кому и удастся вполне сказать то, что сбылось, сам все равно не знает, во всем лишь догадка бывает”. Цит. по: Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. 1. С. 173.

⁸ См.: Там же. С. 287.

⁹ См.: Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. М.: Наука, 1984.

¹⁰ См.: Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М.: Высш. школа, 1991. С. 70–74.

¹¹ См.: Там же.

¹² *Фаллибилизм* (от англ. fallible) – учение о погрешимости (подверженности ошибкам), ненадежности человеческого знания.

¹³ См.: *Popper K.* Открытое общество и его враги. М.: Феникс, 1992. Т. 1: Чары Платона; *Popper K.* Immanuel Kant – der Philosoph der Aufklärung // *Popper K.* Die offene Gesellschaft und ihre Feinde. 4 Aufl. München, 1975. Bd. 1. S. 9–19; *Popper K.* Über Wissen und Nichtwissen // *Popper K.* Auf der Suche nach einer besseren Welt. München, 1984. S. 41–54; настоящая публикация.

КАРЛ ПОППЕР

КАК Я ПОНИМАЮ ФИЛОСОФИЮ

(Мысли, навеянные Фридрихом Вайсманном
и одним из первых астронавтов, высадившихся на Луну)

I

Известная и блистательная статья моего друга Фридриха Вайсманна, скончавшегося в 1959 году, называется “Как я понимаю философию”¹. Многим в этой статье я восхищаюсь и по многим пунктам с ним согласен, хотя моя точка зрения полностью расходится с его взглядами.

Фридрих Вайсманн и многие его коллеги полагают, в частности, что философы суть люди особого сорта, а философию следует считать их особым уделом. В своей статье он пытается подтвердить примерами особый характер философов и философии, сравнивая ее с другими дисциплинами, например математикой или физикой. Так, он стремится описать и объяснить интересы и деятельность современных академиче-